

Восстание ангелов

Анатолий Франс

ВОССТАНИЕ АНГЕЛОВ

ФТМ

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(0)
Ф83

*Перевод с французского Марии Богословской
и Надежды Рыковой*

Франс, А.

Ф83 Восстание ангелов / А. Франс; [пер. с фр. М. Богословская, Н. Рыкова]. – М. : T8RUGRAM / Агентство ФТМ. – 312 с.

ISBN 978-5-519-66233-8

Фантастический роман Анатоля Франса «Восстание ангелов», изданный в 1914 году, описывает захват небес падшими ангелами. Согласно творческому замыслу автора, ангельский бунт имел место в этом же самом 1914 году. В своём романе Анатоль Франс как бы предвосхитил начало величайших катаклизмов, когда для них не было видно никаких предпосылок, и приурочил апокалиптическую драму на небесах к, казалось бы, рядовому земному году — 1914.

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(0)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-519-66233-8

© T8RUGRAM, 2018
© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2018
© Перевод. М. Богословская, наследники, 2018
© Перевод. Н. Рыкова, наследники, 2018

ГЛАВА I,

**которая в немногих строках излагает историю од-
ной французской семьи с 1789 года
до наших дней**

Особняк д'Эпарвье под сенью св. Сульпиция высится своими тремя суровыми этажами над двором, позеленевшим от моха, с садом, который из года в год теснят все более высокие, все ближе подступающие к нему здания; но в глубине два громадных каштана все еще вздымают над ним свои поблекшие вершины. Здесь с 1825 по 1857 год жил великий человек этой семьи, Александр Бюссар д'Эпарвье, вице-президент государственного совета при Июльском правительстве, член Академии моральных и политических наук, автор трехтомного *in octavo* «Трактата о гражданских и религиозных установлениях народов», труда, к сожалению, незаконченного.

Этот прославленный теоретик либеральной монархии оставил наследником своего рода, своего состояния и своей славы Фульгенция-Адольфа Бюссара д'Эпарвье, который, сделавшись сенатором при Второй империи, значительно увеличил свои владения тем, что скупил участки, через которые должен был пройти проспект Императрицы, а сверх того произнес замечательную речь в защиту светской власти пап.

У Фульгенция было три сына. Старший, Марк-Александр, поступил на военную службу и сделал бле-

стящую карьеру: он умел хорошо говорить. Второй, Гаэтан, не проявил никаких особенных талантов. Он жил большей частью в деревне, охотился, разводил лошадей, занимался музыкой и живописью. Третий, Ренэ, с детства был предназначен к юриспруденции, но, будучи в должности помощника прокурора, подал в отставку, чтобы избежать участия в применении декретов Ферри о конгрегациях; позднее, когда в правлении президента Фальера возвратились времена Деция и Диоклетиана, он посвятил все свои знания и все свое усердие служению гонимой церкви.

Со времени Конкордата 1801 года до последних лет Второй империи все д'Эпарвье, дабы подать пример, аккуратно посещали церковь. Скептики в душе, они считали религию средством, которое способствует управлению. Марк и Ренэ были первыми в роду, проявившими истинное благочестие. Генерал, еще будучи полковником, посвятил свой полк «Сердцу Иисусову» и исполнял обряды с таким рвением, которое выделяло его даже среди военных, а ведь известно, что набожность, дочь неба, избрала своим любимым местопребыванием на земле сердца генералов Третьей республики. И вера подчиняется капризам судьбы. При старом режиме вера была достоянием народа, но отнюдь не дворянства и не просвещенной буржуазии. Во время Первой империи вся армия сверху донизу была заражена безбожием. В наши дни народ не верит ни во что. Буржуазия старается верить, и иногда ей это удается, как удалось Марку и Ренэ д'Эпарвье, однако брат их, сельский дворянин Гаэтан не достиг этого. Он был агностиком, — как говорят в спите, чтобы не употреб-

лять неприятного слова «вольнодумец», — и он открыто объявлял себя агностиком, вопреки доброму обычаю скрывать такие вещи. В наше время существует столько способов верить и не верить, что грядущим историкам будет стоить немалого труда разобраться в этой путанице. Но ведь и мы не лучше разбираемой и верованиях эпохи Симмаха и Амвросия.

Ревностный христианин, Ренэ д'Эпарвье был глубоко привержен тем либеральным идеям, которые достались ему от предков как священное наследие. Вынужденный бороться с республикой, безбожной и якобинской, он тем не менее считал себя республиканизм. Он требовал независимости и суверенных прав для церкви во имя свободы. В годы ожесточенных дебатов об отделении церкви от государства и споров о конфискации церковного имущества соборы епископов и собрания верующих происходили у него в доме.

И когда в большой зеленой гостиной собирались наиболее влиятельные вожди католической партии — прелаты, генералы, сенаторы, депутаты, журналисты, и души всех присутствующих устремлялись с умиленной покорностью или вынужденным послушанием к Риму, а господин д'Эпарвье, облокотясь на мраморный выступ камина, противопоставлял гражданскому праву каноническое и красноречиво изливал свое негодование по поводу ограбления французской церкви, — два старинных портрета, два лика, неподвижные и немые, озирали на это злободневное собрание. Направо от камина — портрет работы Давида-Ромэн Бюссар, землепашец из Эпарвье, в куртке и канифасовых штанах, с лицом грубым, хитрым, слегка

насмешливым, — у него были основания смеяться: старик положил начало благосостоянию семьи, скупая церковные угодья. Слева портрет кисти Жерара — сын этого крестьянина, в парадном мундире, увешанный орденами, барон Эмиль Бюссар д'Эпарвье, префект империи и первый советник министра юстиции при Карле X, скончавшийся в 1837 году церковным старостой своего прихода со стишками из вольтеровской «Девственницы» на устах.

Ренэ д'Эпарвье в 1888 году женился на Марии-Антуанетте Купель, дочери барона Купеля, горнозаводчика в Бленвилле (Верхняя Луара); с 1903 года г-жа д'Эпарвье возглавляет общество христианских матерей. В 1908 году эти примерные супруги выдали замуж старшую дочь; остальные трое детей — два сына и дочь — еще жили с ними.

Младший сын — шестилетний Леон — помещался в комнате рядом с апартаментами матери и сестры Берты. Старший Морис занимал маленький, в две комнаты, павильон в глубине сада. Молодой человек располагал там полной свободой, благодаря чему жизнь в семье казалась ему вполне сносной. Это был довольно красивый юноша, элегантный, без излишней манерности; легкая улыбка, чуть приподнимавшая один уголок его губ, была не лишена приятности.

В двадцать пять лет Морис обладал мудростью Экклезиаста. Усомнившись в том, чтобы человек мог получить какую-либо пользу от своих земных трудов, он никогда не обременял себя ни малейшим усилием. С самых ранних лет этот юный представитель знатного рода успешно избегал учения и, так и не отведав уни-

верситетской премудрости, сумел стать доктором прав и адвокатом судебной палаты.

Он никого не защищал и не выступал ни в каких процессах. Он ничего не знал и не хотел ничего знать, сообразуясь в этом со своими природными способностями, милую ограниченность коих он избегал перегружать, ибо счастливый инстинкт подсказал ему, что лучше понимать мало, чем понимать плохо.

По выражению аббата Патуйля, Морис свыше получил блага христианского воспитания. С детства он видел примеры христианского благочестия у себя дома, а когда, окончив коллеж, он был зачислен на юридический факультет, он обрел у родительского очага ученость докторов, добродетель духовных пастырей и постоянство стойких женщин. Соприкоснувшись с общественной и политической жизнью во время великого гонения на французскую церковь, он не пропустил ни одной манифестации католической молодежи; в дни конфискаций он возводил баррикады у себя в приходе, и вместе со своими приятелями выпряг лошадей архиепископа, когда того изгнали из дворца. Однако во всех этих обстоятельствах он проявлял весьма умеренное рвение; никто не видел, чтобы он красовался в первых рядах этого героического воинства, призывая солдат к славному неповиновению, или швырял в казначейских чиновников грязью и осыпал их оскорблениями.

Он выполнял свой долги только, а если во время великого паломничества 1911 года он и отличился в Лурде, переноса расслабленных, то существует подозрение, что делал он это с целью понравиться г-же де ла Вердельер, которая любит сильных мужчин. Аббат Патуйль,

друг семьи и глубокий знаток души человеческой, понимал, что Мориса отнюдь не привлекает мученический венец. Он упрекал его в недостатке рвения и драл за уши, называя бездельником. Во всяком случае, Морис был верующим. Среди заблуждений юности вера его оставалась нетронутой, ибо он к ней не прикасался. Он никогда не пытался вникнуть ни в один из ее догматов. Ему не приходило в голову задумываться над нравственными принципами, господствовавшими в кругу, к которому он принадлежал. Он принимал их такими, какими они были ему преподнесены. Поэтому при всех обстоятельствах он выказывал себя вполне порядочным человеком, что было бы выше его сил, если бы он стал размышлять о тех основах, на коих зиждутся нравы. Он был вспыльчив, горяч, обладал чувством чести и тщательно развивал его в себе. Он не был ни тщеславен, ни заносчив. Как большинство французов, он не любил тратить деньги; если бы женщины не заставляли его делать им подарки, он сам не стал бы ничего им дарить. Он полагал, что презирает женщин, а на самом деле обожал их, но чувственность его была столь непосредственной, что не позволяла ему замечать это. Единственное, чего никто не угадывал в нем и сам он отнюдь не подозревал в себе, хотя об этом и можно было догадаться по теплomu влажному сиянию, вспыхивавшему иногда в глубине его красивых светло-карих глаз, — это то, что он был существо нежное, способное к дружбе; а в общем, в повседневной жизни он был изрядный повеса.